

ХРИСТИАНСКОЕ ВОЗСОЕДИНЕНИЕ

**ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА
ВЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ СОЗНАНІИ**

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Y M C A - P R E S S — P A R I S

ЦЕРКОВНОЕ ЕДИНСТВО ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ МІРѢ.

Въ современной жизни бросается въ глаза соблазнъ (σκάνδαλον) регулярнаго и поразительнаго несоотвѣтствія между ученіемъ и жизнью, словомъ и дѣломъ христіанъ, — всѣхъ насъ, христіанъ, включая и верховныхъ представителей и руководителей нашихъ. Это раздвоеніе почти всеобщее и такъ глубоко, что получило какъ будто не только фактическое господство, но и официальное признаніе, — настолько почти всѣ мы спокойны и невозмутимы передъ этой глубокой духовной трагедіей.

Мы какъ будто примирились съ нею. Выходить, что она — необходима. И даже нечего смущаться, возмущаться и бороться противъ нея. Пусть будетъ такъ — “врата адовы не одолѣютъ”! И расколъ вѣры и жизни, раздоры и бессиліе христіанъ и плачевное состояніе христіанской общестственности еще болѣе обостряются и углубляются. Огромное значеніе этого ужаснаго факта христіанской “эмпири” усиливается какъ разъ въ наши исключительныя времена, когда во всѣхъ областяхъ жизни дѣло показываетъ и доказываетъ теорію, идею, программу, и когда всѣ существенно связаны общей организаціей и единствомъ. Всѣмъ намъ приходится предъ лицомъ молодыхъ поколѣній и, что еще хуже, предъ лицомъ отпавшихъ отъ христіанства, или же сдѣлавшихся уже и противниками его, съ горечью наблюдать поражающее и опустошающее дѣйствіе этого скандальнаго факта обычной дисгармоніи между вѣрою и жизнью христіанъ.

А какъ-же слова Христа: “По плодамъ ихъ познаете ихъ”? А слова апостола Іакова: “Вѣра безъ дѣлъ мертва”? Прилагая эту абсолютную мѣру къ нашей церковности и къ нашей христіанской общестственности, къ какимъ страшнымъ заключеніямъ пришли бы мы.

**

Въ такомъ горькомъ раздумьи часто и мучительно спрашиваешь себя: Гдѣ дерзаніе вѣры? Гдѣ сила молитвы? Гдѣ творчество любви? Гдѣ отраженіе христіанской совѣсти во всѣхъ областяхъ жизни? Гдѣ горѣніе о правдѣ? Или же: Гдѣ покаяніе? Гдѣ категорическое требованіе Церкви: “покажи вѣру твою изъ дѣлъ твоихъ”? Гдѣ любвеобильный и строгій и покаянный судъ Церкви?

Почему у древнихъ христіанъ были и считались самисобою разумѣющимися нравственная чистота, добрая дѣла, святость и въ личной, и въ семейной, и въ соціальной жизни? Почему о древнихъ христіанахъ язычники могли говорить: “Посмотрите, какъ они любятъ другъ друга и какъ они готовы умереть другъ за друга”? Почему для древнихъ христіанъ характерны плоды дѣятельной любви и въ личной, и въ обще-церковной жизни, — братское попеченіе о вдовахъ и сиротахъ, о больныхъ, слабыхъ, беспомощныхъ, неработоспособныхъ, о бѣдныхъ и странникахъ, о рабахъ и плѣнныхъ, безработныхъ и нуждающихся?

Конечно, и тогда были грѣхи и грѣшники. Но почему тогда — при свободной исповѣди — всѣ грѣхи приносились на судъ Церкви и цѣлая Церковь судила строгостью и лечила любовью кающихся грѣшниковъ? И почему эта покаянная нравственная дисциплина христіанъ и Церкви Христовой тогда простиралась на всѣ грѣхи, касающіеся не только вѣры, но и дѣлъ, не только въ индивидуальной, но въ соціальной жизни?

А какъ нынѣ? Эпидемія, прямо потопъ грѣха и порока среди насъ, христіанъ, среди пасомыхъ и пастырей. Но то, что деморализуетъ однихъ и ужасаетъ другихъ, — это, съ одной стороны, — затменіе въ душахъ христіанъ жизненной идеи христіанства: Богъ долженъ быть во всемъ, идея духовной теократіи, идея двуединства жизни (внутренней и внѣшней, вѣры и дѣлъ); и, съ другой стороны, — эта страшная апатія насъ, христіанъ, передъ даннымъ состояніемъ нашей жизни, это

какъ будто самодовольное наше погруженіе въ мертвую вѣру безъ дѣлъ.

Отчего все это? Какъ пришли мы къ такому прямо невѣроятному состоянію нашей христіанской жизни — внутренней и внѣшней, личной и общественной?

Вотъ вопросъ первостепенной важности, не только съ точки зрѣнія научно-общественной, но и церковно-практической, вопросъ, который могъ бы уяснить намъ не только исторію и развитіе нашей современной глубокой духовной болѣзни, но и указалъ бы намъ пути нашей будущности, пути преодоленія этой болѣзни и пути будущаго нашего христіанскаго возрожденія. Занимаясь непосредственно уже годами экуменической проблемой и работой, я съ необходимостью ставилъ этотъ вопросъ и въ моихъ богословскихъ изслѣдованіяхъ, и въ моей практической экуменической дѣятельности. Я надѣюсь въ ближайшее время высказаться подробно въ отдѣльной монографіи по этому кардинальному вопросу современнаго христіанства. Здѣсь, къ сожалѣнію, для этого нѣтъ мѣста.

Позвольте мнѣ только въ связи съ этимъ общимъ вопросомъ обратить ваше вниманіе на слѣдующій, какъ будто второстепенный, вопросъ: вѣрно ли то, что вскорѣ послѣ первыхъ вѣковъ христіанства появилась и распространилась мысль о д в о й н о й христіанской этикѣ и о двухъ категоріяхъ христіанства?

Насколько вѣрна мысль, что с е к у л я р и з а ц і я произошла прежде всего въ самомъ христіанскомъ обществѣ? Отчего древнее (первохристіанское) монашество удалилось отъ міра (и въ извѣстномъ смыслѣ отъ Церкви), но отчего затѣмъ оно возвратилось къ Церкви (и къ міру)? И насколько вѣрно, что это позднее монашество отошло отъ своего перваго христіанскаго духа и образа жизни и что, стараясь, такъ сказать, “омонашить” церковный народъ и христіанскую общественность, оно въ дѣйствительности только усилило процессъ секуляризаціи и фактическаго ухода христіанъ (“міра”) отъ Церкви? Мнѣ кажется, что эти вопросы (какъ и рядъ другихъ, связанныхъ съ ними, напр., т. наз. монашескій индивидуализмъ; ана-

хоретско-монашеское равнодушіе ко всему въ мірѣ, “свобода отъ міра”, “отреченіе отъ міра” и т. д. стоятъ въ непосредственной, органической связи съ нашимъ общимъ вопросомъ. Это особенно надо сказать, имѣя въ виду наши восточно-православныя условія. Процессъ секуляризаціи и вообще внутренняго и внѣшняго, исповѣднаго и нравственнаго разъединенія Церкви, вслѣдствіе извѣстныхъ тяжелыхъ историческихъ условій минувшихъ вѣковъ привелъ къ тому, что мы, православные (и народъ, и іерархи, и богословы), почти не знаемъ другъ друга, и почти не осязательны наши взаимныя связи. И еще одно, столь же важное: какъ разъ мы, православные, по тѣмъ же историческимъ причинамъ болѣе склонные къ созерцанію и индивидуализму, стоимъ сейчасъ передъ разрѣшеніемъ вопросовъ соціальной жизни вообще, и въ частности — вопросовъ общехристіанской соціально-этической жизни, а для этого мы должны воспользоваться практикой и методами, а также и помощью (содружествомъ) западныхъ христіанскихъ обществъ. И, наконецъ, въ области идейно-вѣроучительной мы, православные, сами должны исполнить свой долгъ любви, свою миссію выявленія въ остальномъ христіанскомъ мірѣ кафоличности православной Церкви.

Я думаю, что путь къ этому какъ разъ намъ, православнымъ, предуказанъ уже въ силу принципа ц е р к о в н о й с о б о р н о с т и. Нашъ верховный долгъ и наше большое преимущество — раскрыть содержаніе этого принципа, выдвинуть его драгоцѣнное жизненное значеніе какъ въ области вѣры, такъ и въ области практической (соціально-этической), внутренней (православно-церковной) и общей (экуменической) жизни христіанъ. Тогда обнаружатся, какъ я убѣжденъ, и основныя начала нашей вѣры въ реальномъ присутствіи невидимаго Христа Спасителя, возглавляющаго мистическое тѣло Церкви Христовой.

**
*

Въ нашихъ православныхъ, какъ впрочемъ и въ протестантскихъ, а уже, отчасти и въ римско-католическихъ кру-

гахъ, — больше пониманія встрѣчаетъ идея церковнаго единства (экуменичности) въ области практической социаль-но-нравственной дѣятельности.

Фактъ объединенія антирелигіознаго и антихристіанскаго міра, напоръ краснаго Антихриста изъ Россіи и ужасы его въ самой Россіи, организованное его наступленіе внѣ Россіи — все это дѣлаетъ задачу объединенія христіанъ въ цѣляхъ взаимной защиты и помощи болѣе понятной и необходимой. Но и рядъ другихъ важныхъ проблемъ, которыя волнуютъ и держатъ въ мучительной тревогѣ весь міръ, отражается также и въ христіанскомъ сознаніи всѣхъ исповѣданій. Приблизительно то же самое наблюдается и у насъ, православныхъ, хотя и въ начальныхъ формахъ и степеняхъ, такъ какъ вообще проблемы и нужды социальной жизни у насъ еще не вполне выявлены. Вопросъ о реальномъ соотношеніи пролетаріата и церкви (уходъ пролетаріата изъ церкви, борьба пролетаріата противъ церкви и т. д.); исканіе социальной правды; сознаніе безбожности капитализма и нравственное значеніе социализаціи собственности; реальныя взаимоотношенія молодежи и церкви (уходъ молодежи изъ церкви и т. д.); отношеніе церкви къ націонализму и шовинизму, къ язычеству современной государственности; вопросъ о войнѣ и мирѣ, о международныхъ отношеніяхъ — всѣ эти проблемы мірового кризиса и мірового грѣха — суть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросы общехристіанскіе, общецерковные, экуменическіе. Собственно мірскими проблемами христіанскій западъ (особенно римскій католицизмъ и англо-саксонскій протестантизмъ) такъ или иначе занимался всегда. Но послѣвоенное, новое состояніе міра, “объединеніе” его въ силу социальныхъ, экономическихъ и политическихъ потрясеній, катастрофъ и нуждъ, солидарность его на почвѣ экономической зависимости въ связи съ общностью его грѣха и эгоизма, общехристіанское чувство неправды и недостатка любви — все это показало необходимость экуменическаго церковнаго отношенія и дѣланія и породило стокгольмское движеніе и другія ему сродныя движенія, объединенія и содружества христіанскихъ церквей въ области социаль-но-нравственной. Это новое состоя-

ніе міра захватываетъ всѣхъ, конечно, и насъ, но у насъ оно пока не такъ болѣзненно, и связанное съ нимъ чувство христіанской экуменичности еще не такъ глубоко и замѣтно. Но нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ дальше пойдетъ соціальное и духовное развитіе и углубленіе, тѣмъ болѣе и тѣмъ сознательнѣе разрастется у насъ экуменическое движеніе. Я думаю, что это связано и съ в н у т р е н н е й к а ф о л и ч н о с т ь ю ц е р к в и. А именно, церковь Христова кафолична также и въ смыслѣ полного внутренняго проникновенія всего человѣка, во всей его внутренней и внѣшней жизни, в с ѣ х ѣ х р и с т і а н ѣ х ѣ , всѣхъ людей, — и въ смыслѣ превоплощенія человѣка и міра въ новую обожествленную сущность. Въ этомъ смыслѣ кафоличность (и экуменичность) интегральна — въ горизонтальномъ и вертикальномъ, внутреннемъ и внѣшнемъ направленіи, и — космична. И въ этомъ аспектѣ никакой христіанинъ не можетъ заботиться только о своей душѣ, или дѣйствовать въ одномъ отношеніи, или направленіи. Своею вѣрою и любовью онъ обнимаетъ всѣхъ христіанъ, всѣхъ людей, всего человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ. Тѣмъ болѣе надо сказать это — о церкви вообще и объ отдѣльныхъ христіанскихъ церквахъ въ частности. И это не только съ точки зрѣнія принципа всеобъемлющей кафоличности церкви, но и съ точки зрѣнія простой практической солидарности и изъявленія взаимной любви. Тутъ нельзя болѣе дѣлать никакой секуляризаціи: раздѣлять въ теоріи небо отъ земли, внутренняго отъ внѣшняго человѣка, фактически же предоставлять вторыхъ господству зла. Нельзя здѣсь раздѣлять также видимую отъ невидимой церкви. Не поддаваясь никакому имманентному гуманизму и идеализму, какъ разъ намъ (православнымъ) слѣдуетъ держаться космически - кафолическаго и православнаго принципа “в о п л о щ е н і я” — принципа преображенія, обожествленія человѣка и міра неразрывнымъ ихъ соединеніемъ съ Христомъ и Богомъ Спасителемъ, въ мистическомъ Его вселенскомъ тѣлѣ, святой соборной Церкви.

Конечно, труднѣе, чѣмъ что-либо — понять и воспринять смыслъ и необходимость идеи, идеала христіанскаго

объединенія въ вѣрѣ и работѣ, направленной на его реализацію. Такъ это въ другихъ исповѣданіяхъ и церквахъ, такъ оно было и у насъ, православныхъ. У насъ, пожалуй, пока болѣе подозрѣній и опасеній и менѣе ощущенія трагизма раздѣленія. Между тѣмъ, соблазнъ разъединенія, взаимныя распри, недоброжелательство и борьба — у разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій являются источникомъ не только внутренняго разложенія, но и внѣшняго распадена христіанскихъ обществъ и христіанской общественности. Не хочу здѣсь вдаваться въ догматическія и богословскія размышленія о принципиальной основѣ церковнаго единенія христіанъ, довольно было бы указать на слова ап. Павла: “Елицы во Христѣ креститесь, во Христа облекостесь” (Гал. III, 27).

Намъ всѣмъ было бы лучше спрашивать себя непрестанно: не Христовъ ли это идеаль и завѣтъ: да будетъ едино стадо и Единъ Пастырь? Живетъ-ли этотъ идеаль въ нашемъ сознаніи, въ нашей молитвѣ, въ нашихъ усиліяхъ, въ нашей практической жизни? Вѣримъ ли мы б е з у с л о в н о въ этотъ идеаль, въ его возможность и необходимость, и что мы дѣлаемъ для его осуществленія? Чувствуемъ-ли мы здѣсь свою отвѣтственность другъ за друга, свой грѣхъ за раздѣленіе, за его безчисленныя тяжелыя послѣдствія, а также и за нашу, прямую или косвенную, поддержку этого раздѣленія?

И вообще, гдѣ первоисточникъ раздѣленія? Каково жизненное соотношеніе между религіозной истиной и любовью? Какой глубокой и указательный смыслъ имѣютъ здѣсь слова нашей св. литургіи “в о з л ю б и м ъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмы!”

Я ощущаю одинаково какъ грѣхъ — и конфессіональную самодостаточную замкнутость и самодовольную фарисейскую надменность, равно какъ и равнодушіе къ другимъ исповѣданіямъ, вѣрующихъ во Христа, къ ихъ собственной вѣрѣ, жизни и судьбѣ, — незнаніе ихъ и невниманіе къ нимъ.

Корень раздѣленія и лжи — это самолюбивое, гордое отношеніе къ другимъ, пресѣченіе смиренія и любви къ братьямъ во Христѣ. Такъ было, есть и будетъ. А во многомъ

содѣйствуютъ раздѣленію еще и наши взаимныя предубѣжденія и недоразумѣнія. Въ дѣйствительности мы не знаемъ, или недостаточно, плохо знаемъ другъ друга. Часто говоримъ одни слова, а разное понимаемъ, или — разные слова, но одно разумѣемъ. Проблема достаточнаго и правильнаго пониманія другъ друга — одна изъ самыхъ важныхъ богословскихъ и жизненныхъ проблемъ Церкви и экуменичности, и съ точки зрѣнія истины, и съ точки зрѣнія любви. И тутъ необходимы и хороши всѣ внутреннія силы и внѣшнія средства къ разрѣшенію этой проблемы: и братское снисхожденіе, и уваженіе, и любовь къ больному, блуждающему, нуждающемуся брату; и встрѣчи, и конференціи, и дружескія личныя отношенія, и личная, и совмѣстная молитва, и братское сотрудничество въ служеніи правдѣ и любви.

Понятно само собою, что проблема и дѣло единенія никакъ не означаютъ ни униформированія, ни безличнаго интерконфессионализма. Участвуя активно съ самаго начала во всѣхъ экуменическихъ конференціяхъ и встрѣчахъ, я могу по личному наблюденію засвидѣтельствовать, что ничто не изображаетъ столь ложно духъ и стремленія экуменическаго движенія, какъ утвержденіе, будто оно стремится къ какой-то формальной церковной нивеллировкѣ, или къ утверженію церковнаго атомизма. Наоборотъ! Искренно и рѣшительно отбрасывается всѣми отвлеченное “христіанство - минимумъ”, отбрасывается всякій эклектичный, амальгамный, безличный компромиссъ, гдѣ по необходимости господствуютъ двоедушіе, двумысліе и лицемѣріе, или же безразличіе и равнодушіе къ истинѣ. Напротивъ, экуменическое движеніе высоко цѣнитъ индивидуальное разнообразіе, видя въ немъ богатство и полноту Церкви Христовой: *Eigenart, Eigenwert*. Одинъ Господь Іисусъ Христосъ, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ духъ, одно тѣло, единство духа въ союзѣ міра, но дары Христовы и служенія и дѣйствія — различны. (Ефес. 4, 1, Кор., 12). Однимъ разумомъ эту тайну божественной истины не разгадаешь, не докажешь; развѣ только новымъ даромъ Божіимъ, да вѣрою чистаго сердца, любовью и молитвою.

Но хотя проблема единства церкви и соединенія церк-

вей и движеніе въ этомъ направленіи такъ безгранично трудны и сложны, и однимъ человѣческимъ умомъ, одними человѣческими силами, пожалуй, почти ничего не сдѣлаешь, все-таки проблема единства церкви, единства духа въ союзѣ любви и мира, — остается насущной, самой великой и важной, фундаментальной для всѣхъ остальныхъ проблемъ церкви и христіанской общественности. Она и лежитъ въ основѣ церковнаго единенія на почвѣ практическаго (соціально - нравственнаго) христіанства. Оба эти движенія взаимно, органически связаны въ своихъ основахъ и конечныхъ цѣляхъ; они одно и то-же, какъ собственно “вѣра” и “дѣла” одно и то же, двѣ стороны одной и той же сущности.

“Стокгольмъ” нуженъ “Лозаннѣ”, чтобы проблема единства вѣры не становилась подѣ угрозой человѣческой рационализаціи и спекуляціи, догматической сварливости и ухищреній, а также и беспочвеннаго мистицизма. “Стокгольмъ” необходимъ “Лозаннѣ”, чтобы приближеніе къ истинѣ и единству вѣры шло вѣчно - вѣрнымъ путемъ, силою любви и жертвы.

“Лозанна” же нужна “Стокгольму”, чтобы его дѣло не потерялось въ обыкновенномъ культурномъ гуманизмѣ: чтобы оно имѣло вселенскій, космическій масштабъ и трансцендентный горизонтъ; чтобы сохранило оно свою глубину, свою укоренность въ вѣчности Бога и Спасителя Христа; а также, чтобы имѣло теплоту, пафосъ и творческій полетъ.

Вѣроученіе и мораль Христа и Его Церкви святой нераздѣльны. Они одно. И именно въ нихъ, какъ можетъ быть никогда раньше, нуждается міръ.

Міръ вопіетъ о мирѣ, о братствѣ, единствѣ любви и вѣры.

Кто другой, какъ не Церковь, имѣетъ верховный долгъ и страшную отвѣтственность дать міру такое единеніе и миръ, показывая единеніе и миръ, братство и любовь прежде всего среди христіанъ. “По плодамъ ихъ узнаете ихъ”. (Мат. VII, 16,20).

Въ наши исключительныя времена переворотовъ и рас-

паденій культуръ, обществъ, народовъ, государствъ, классовъ, социальныхъ формъ, — могутъ-ли церкви молчать и христіане бездѣйствовать? Какой ужасный грѣхъ въ такое время довольствоваться бесплодной замкнутостью и горделивой самодостаточностью.

Правда, что, какъ завѣтъ Христовъ объ единствѣ церкви, — вѣры и любви, — есть завѣтъ Бога, такъ и экуменическое дѣло возрастанія, возстановленія этого божественнаго единства — есть тоже дѣло Божіе, Бога и Господа нашего Иисуса Христа. Но вотъ потому-то для насъ, людей повѣрившихъ во Христа, верховнымъ долгомъ будетъ **п р и н я т ь** безусловно этотъ завѣтъ, **п о д ч и н и т ь** с я и отдаться ему во всей своей вѣрѣ, во всей своей жизни. Такая вѣра требуетъ и великаго терпѣнія, и великаго дерзновенія! Оно — дѣло вѣры, трудъ любви и терпѣніе упованія (1 Солун., 1,3). Кто ихъ милостію Божію получить — тотъ преодолѣетъ все и исполнитъ волю, заповѣдь Бога.

“Дерзайте. Я побѣдилъ міръ”. (1оан. XVІ, 33).

Протопресвитеръ Стефанъ Цанковъ.

Софія.